

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-267-270

© Т. Г. Иванова

КНИГА О КАЛИКАХ ПЕРЕХОЖИХ*

Предметом научного осмысления в книге Т. В. Хлыбовой «Калики Святой Руси: опыт имагологии» является один из социальных слоев русского средневекового (и шире — дореволюционного) общества — калики переходные. О каликах в нашей фольклористической литературе писалось немало, но ни в одном из трудов до сих пор не предлагалась всеобъемлющая характеристика их культуры. Рецензируемая монография имеет подзаголовок — «опыт имагологии», т. е. ядро исследования — изучение закономерностей в формировании и функционировании культурного феномена калик, бывших поначалу «инородным» элементом для воспринимающей его Руси. В книге привлекаются документы разных эпох — исторические, юридические, хозяйственные, политические, данные летописей и хожений, былин и духовных стихов. Эта полнота источников нам представляется главным достоинством исследования. Укажем, что список библиографии в книге весьма солиден и занимает 65 страниц (с. 424–489).

Калики на Руси появились сразу же после принятия христианства. По мысли автора, в рамках пропаганды нового учения — христианства — пропаганды, которая осуществлялась византийским священством, окружением князя (прежде всего, дружинниками), русскими церковными деятелями (выходцами из социальных верхов), свое место занимали и калики, совершавшие паломнические поездки по христианским святыням Константинополя, Афона, Иерусалима и даже западноевропейских земель. Калику времен Древнерусского государства, подчеркивает исследовательница, надо рассматривать как культуртрегера, приносящего на Русь новые знания и обычаи. «Калика — не религиозный миссионер, — пишет Хлыбова, — но его миссия исполнителя — не профессионального проповедника — была не менее, а в определенном отношении и более важна для формирования нового мировоззрения <...> Калика был посредником между церковью и народом и разговаривал с аудиторией

на народном, доходчивом для реципиента его идей языке» (с. 25).

Монография имеет две части, делящиеся в свою очередь на главы. В первой части (с. 27–322) с привлечением большого документального массива рассматривается фигура калики в историческом контексте. Во второй части (с. 323–411) анализируется образ калики в былинах и духовных стихах. Таким образом, рецензируемая книга одновременно предлагает решение и исторических, и фольклористических задач.

В первой главе «Nomen est omen: религиозные путешественники» (с. 29–80) дается обзор терминов, обозначающих людей, путешествующих с религиозными целями: странник / сторонник, паломник, пилигрим, калика / калѣка, богомолец. Обращение к словарям разного времени и разного типа позволяет автору очертить многомерную картину мира религиозных путешественников. Лексемы «пилигрим» и «паломник» (обе явно латинского происхождения), равно как и слово «калика» (греко-византийское происхождение), зафиксированные в средневековых письменных документах, с очевидностью указывают на то, что феномен калик был заимствован Русью от других христианских стран. Весьма информативен и насыщен документальными отсылками один из параграфов главы — «Этимологическая связь: „калики“ и „калиги“ (наименование обуви)» (с. 63–70). Идя вслед за своими предшественниками, Хлыбова подробно рассказывает об обуви, давшей название религиозным путешественникам: грубые сандалии, которые носили римские воины. С этой обувью русичи могли познакомиться в Византии, где, согласно историческим свидетельствам, бывали русские наемники. Затем в той же Византии и Западной Европе калиги стали обувью паломников, что узнала и Русь. Уже игумен Даниил («Хождение игумена Даниила», XII век) в своем путешествии в Иерусалим носил калиги.

Обзор словарей позволяет автору «вычленивать пять кругов понятий, связанных с *каликами*: 1) паломники по загранничным святым местам; 2) богомолцы — странники по Руси; 3) побирающиеся нищие певцы; 4) нищие; 5) художественный образ: герои фольклорных

* Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 491 с. (сер. «Humanitas»).

произведений — былин и духовных стихов, сказок и легенд — богатыри во смиреннии, знахари-целители, необычные исполнители» (с. 61). Эти словарные дефиниции отражают изменения в положении религиозных путешественников, произошедшие на протяжении веков: паломники → нищие.

Во второй главе — «Actis testantibus: документально-правовой аспект» — исследовательница воссоздает контекст функционирования калик в Древней Руси и в позднее Средневековье. Калики упоминаются уже в «Уставе князя Владимира» («О десятицах, судах и людях церковных»), причем попадают они в списки этого документа не с самого начала, а со временем (XII–XIII века). Из «Устава» следует, что калики находились под покровительством Церкви, они отнюдь не были увечными (о слепцах и хромцах, опекаемых Церковью, упоминается отдельно). Любопытна информация о правовых (проезжих) документах, которые, по всей видимости, имели паломники в своих путешествиях в Константинополь и Святую Землю. Такого рода документы были актуальными и во времена монголо-татарского ига, так как ордынцы признавали особый статус Церкви и, следовательно, лиц, находящихся под ее покровительством. Личность паломника, отмечает исследовательница, удостоверялась и особыми чертами в одежде (скромное одеяние), отделяющими его от мирян, и различными инсигниями (в том числе каменными иконками, имевшими место в Новгороде).

В поле зрения Хлыбовой находится и Судебник 1497 года, анализ которого позволяет заключить, что к концу XV века религиозные путешествия трансформировались в нищенство: «Упоминание нищих в списке церковных людей Судебников и исчезновение отсюда калик и паломников вынуждает предполагать, что к концу XV — XVI в. религиозное странничество в большей степени соотносится с понятием нищенства и бродяжничества в поисках пропитания, чем благочестивого паломничества» (с. 119–120). О низком положении калики свидетельствует и Судебник 1589 года.

Большой интерес представляет третья глава «Ad rem: паломничество, странничество, богомолье». Активное русское паломничество первых веков после принятия христианства обусловлено и желанием увидеть святыни новой религии, и благоприятной исторической ситуацией (с 1099 по 1291 год Иерусалим был христианским городом, тогда существовало Иерусалимское королевство крестоносцев). Описывая каличий феномен, в методологическом плане Хлыбова в одинаковой мере опирается на письменные (летописные статьи, эпиграфика, паломнические записки) и устные (песенный эпос) источники. По словам исследовательницы, эти две сферы источников «удостоверяют друг друга» (с. 138). Она рассматривает формирование паломнических коллективов (дружин), состоящих из здоровых, сильных мужчин, имеющих атамана (вожака), знающего дорогу в Византию; прибытие каличих ватаг

в Константинополь водным путем вместе с торговыми судами; иногда наем в этом городе гйда-переводчика («вожа»), которому известен путь в Святую Землю или на Афон. Паломничество, указывает исследовательница, предполагало существование определенной инфраструктуры (монастыри, странноприимные дома и пр.).

Паломничество первых веков нередко сочеталось с другими целями. Русские церковные иерархи в Константинополе решали дипломатические задачи и одновременно посещали святые места. Купцы также сопрягали свою торговую деятельность, зачастую еще и обороненную разведывательными целями, с религиозным путешествием. Отдельно рассматриваются дружинники, сопровождавшие высокопоставленных паломников. Социальная структура паломников в это время — церковные иерархи, древнерусская знать, дружинники, рядовые священники и монахи, миряне, купцы, ушкуйники, кающиеся в своих грехах. Паломническая среда уже в первые века принятия Русью христианства сформировала, по словам автора, два религиозных нарратива — письменный (хожения, опирающиеся на письменную традицию Византии и других стран) и устный (легенды, духовные стихи, художественным ориентиром которых была устная эпическая традиция). Таким образом, в отличие от многих фольклористических работ, относящих сложение духовных стихов к довольно позднему времени, в рецензируемой монографии утверждается тезис о формировании этого жанра еще в период Древней Руси.

В XV–XVI веках, с появлением на Руси большого количества своих святынь и с падением Константинополя под ударами Османской империи (1453), с установлением в XVI столетии в Московской Руси «строгой регуляции движения за пределы страны» (с. 244), заграничные паломничества иссякают, их место полностью занимают внутренние богомолья. Соответственно поклонение святыням становится единственной целью путешествия (торговые и дипломатические задачи уже не сопологаются с паломничеством); исчезает необходимость в гиде-переводчике. Заметим, кстати, что тезис Хлыбовой о том, что в позднее Средневековье в XVI–XVII веках прекратились массовые заграничные паломничества (с. 123–124), позволяет наложить его на некоторые стороны историко-песенного фольклора — на былины и исторические песни. Мы, со своей стороны, можем указать на то, что былины (жанр, сложившийся в X–XIII веках, т. е. в активный период паломничества русских калик в Иерусалим) довольно полно отражают топографию Святой Земли, что мы показали в своей книге «Историческое пространство в былинах» (СПб., 2023. С. 398–434): Иерусалим, Елеонская гора, Гроб Господень, гора Фавор, Сионская гора, Иордань-река. Очевидно, что эти географические знания доносились до древнерусских создателей былин прежде всего паломниками, побывавшими в Иерусалиме. Исторические же пе-

сни XVI и XVII веков топонимии Святой Земли практически полностью игнорируют.

В четвертой главе «Монашество», рассматривая тему религиозных путешествий в преломлении к монастырю, исследовательница особо останавливается на внебогослужебной лирике, возникшей в стенах монастырей на основе литургической поэзии. Из монастырских стен вышли покаянные стихи (например, «Плач Адама о рае»), занимающие в репертуаре калик видное место.

Последняя, пятая, глава первой части рецензируемой книги — «Нищенство». Нищелюбие, подача милостыни и опека над нищей братией, заложено и в Евангелии, и в «Домострое» (XVI век), и в историко-песенном фольклоре (убогий на пиру хвалится «божьей милостью», т. е. подаваемой ему милостыней) (с. 291), и в духовных стихах. Интересен параграф «Нищенство и исполнители духовных стихов» (с. 311–320), где полнообъемно описывается артельный принцип организации «гурта» нищих в южных и юго-западных регионах России (неписаный устав, общественная касса, казначей, собрания, обучение пению духовных стихов и игре на лире, кобзе или бандуре новых сочленов коллектива, своеобразный экзамен их приема в артель, существование особого тайного нищенского языка и пр.).

Вторая часть книги Хлыбовой, как мы уже сказали, посвящена образу калик в былинах (глава 6) и духовных стихах (глава 7). Этих жанров исследовательница неоднократно касается и в первой части монографии, обращая внимание на различные детали текстов песенного эпоса, которые фольклористы нередко не замечают. Так, в разговоре об одежде калик цитируется былина Кириши Данилова о Соловье Будимировиче: он прибывает в Киев вместе с каликами, одетыми в «белое платье» (с. 104). Конфликт сорока калик с посланником князя Владимира трактуется Хлыбовой в рамках тезиса о том, что калики в Древней Руси находились в юрисдикции церковного, а не светского (княжеского) суда (с. 110). Поездка Василия Буслаева в Иерусалим рассматривается как отбывание епитимьи, наложенной на героя священником (с. 138, 147). Говоря о передвижениях калик с Руси в Святую Землю (на кораблях, на лошадях, пешком), автор рецензируемой книги указывает на комфортные условия, в которых находились представители социальных верхов, и в доказательство приводит описание корабля Василия Буслаева (с. 149–150). Былина о Василии Буслаеве удостоверяет, что в XI–XIII веках, когда дорога в Святую Землю была опасной, практиковалось формирование паломнических коллективов — «дружин» (с. 157). Ассоциативный каличьего коллектива с военным (дружинным) коллективом закреплены в былинах о сорока каликах, которые имеют не только дорожные клюки, но и копыя (с. 205). В четвертой главе «Монашество» Хлыбова приводит выразительные цитаты из былин о киевском богатыре Даниле Игнатьевиче, уходящем в монастырь (с. 251–253). Рассматривая приобщение

Руси в процессе паломничества к новой музыкальной культуре, она обращается к былинным образам Ставра Годиновича и Добрыни, играющих на гуслях наигрыши Царьграда и Иерусалима (с. 196), однако, подчеркивает исследовательница, былинные герои продолжают линию скоморохов (с музыкальным инструментом в руках), калики же в русской традиции пели духовные стихи без музыкального сопровождения.

Хлыбова позиционирует себя как сторонницу исторической школы и поддерживает идею В. Ф. Миллера о сложении былин в дружинной среде. Распространению былин, вслед за главой исторической школы считает фольклористка, способствовали и мобильный образ жизни дружинников, и бродячие профессиональные исполнители — скоморохи и калики переходящие. Перечень былинных сюжетов (с. 328–329), в которых так или иначе появляется или упоминается калика, оказывается довольно внушительным, равно как количество мотивов, к ним относящихся. Калика предстает паломником по дальним (Иерусалим) и ближним (киевские пещеры с мошами Антония и Феодосия) святым местам. Калики владеют даром целительства и связаны с миром христианских чудес (исцеляют сидня Илью Муромца, по некоторым вариантам — раскаявшуюся киевскую княгиню в былинах о сорока каликах). Наряд калик в былинах, показывает исследовательница на ряде примеров, однотипен одежде эпических героев, однако в некоторых сюжетах («Илья Муромец и Идолище», где герой меняется платьем с встреченным им каличьим каличьим платьем противопоставляется богатырскому. Калики в былинах приносят князю Владимиру и богатырям вести о врагах; калика — человек грамотный и т. д. Былины отражают разный социальный состав древнерусских калик: они могут быть ровней и богатырям, и голяма кабацким.

Один из параграфов этой главы посвящен необычной исполнительской манере калик («зычный голос», «покрик богатырский»). В фольклористике эту черту принято считать проявлением богатырской сути сорока калик. Хлыбова предлагает другое объяснение. Она связывает такую манеру пения «еленьского» (эллинского) стиха с ритуальными бесчинствами, увиденными русскими паломниками на христианском Востоке в день Пасхи в ожидании схождения благодатного огня — «чтобы небеса тебя услышали и отреагировали, нужен громкий звук» (с. 349). «Православное церковное исполнение, регулируемое нормами, — отмечает исследовательница, — следовало правилу петь „тихо и со умилением“, а вышедшие из-под церковного контроля калики продолжали свои традиции, понуждая „естество на вопль“, сохранив тем самым древнейший способ обращения к богу, который благодаря громкому голосу певцов должен был их услышать» (с. 352).

В седьмой главе «Калики и духовный стих» в параграфе «Калика в духовных стихах» исследовательница рассматривает каличьую тему

в стихе об Алексее, человеке Божьем (герой приходит к не узнавшему его отцу в виде «нищего-убогого», «калика-переходца»). Духовные стихи воспевают «нищенскую ипостась калики» (с. 391). Хлыбова сосредоточивается на стихах о Вознесении и Лазаре — «поэтическом выражении идеи нищества» (с. 395). Стих о Вознесении, по всей видимости, сложился в XVI веке, когда царские власти попытались пресечь нищество. Стих о Лазаре, в котором противопоставляется спасительность нищества и пагубность богатства, говорит исследовательница, утверждает помимо этого еще одну идею — необходимость ради собственной души подавать милостыню. В сюжетах о Страшном суде одним из грехов называется также отказ нищим в милостыне.

Во второй части своего исследования фольклористка не выделила в отдельную главу рассмотрение прозаических легенд, которые, как и былины и духовные стихи, были в репертуаре нищих. Этот жанр устной поэзии неоднократно упоминается автором на страницах книги, но остается непонятным, имеются ли примеры включения образа калик в легенды или нет.

Рецензируемая монография не только описывает феномен калик переходящих, давая читателю большой объем информации, но заставляет задуматься над разными сферами русской культуры, сопоставляющимися с теми аспектами, которые стоят в центре исследования. Заметим, что на обложке помещена репродукция с картины В. М. Васнецова «Нищие певцы» (1873; Вятский художественный музей) — первого его большого многофигурного живописного полотна, замеченного критикой. Картина написана по детским и юношеским впечатлениям. На задней стороне обложки дана другая картина — «Калики переходящие» И. М. Прянишникова (1870; Третьяковская галерея). Хлыбова не касается темы нищества и странничества в изобразительном искусстве, но этот

материал, без сомнения, может дать дополнительные штрихи к изучаемой теме. Русские художники нередко обращались к фигуре странников. На картине П. П. Соколова «Нищие странники» (1872) два персонажа явно, как и у Васнецова, поют. Целую серию странников оставил В. Г. Перов: погрудный портрет (1859), странник, стучащийся в окно (1869), странник, изображенный во весь рост (1870). Исследовательница практически никак не затрагивает тему женского богомолья, которое в XIX веке, однако, было весьма распространено. И. Е. Репину принадлежит картина «Богомолки-странницы» (1878), являющаяся самостоятельным этюдом к знаменитому «Крестному ходу в Курской губернии» (1881–1883). Двух странниц, как и у Репина, изобразил на своем полотне В. Е. Маковский («Две странницы», 1885). С. А. Виноградов на картине, названной «К преподобному» (1910), представил нескольких женщин с котомками за спиной, идущих по дороге. Цель их пути явно не просто странническая, а паломническая.

На определенные размышления наводят биографии некоторых быллинчиков Русского Севера. Знаменитая Марья Дмитриевна Кривополенова, напомним, нищенствовала — собирала «кусочки» в близлежащих деревнях Пинеги. На двух калик в Каргополье указывает П. Н. Рыбников — калика Латышев и быллинчик, который вошел в науку как Калика из Красной Ляги. Сопраженность каличьею «профессии» и песенно-эпического репертуара, неоднократно обсуждаемая в фольклористике, вероятно, может стать в очередной раз предметом размышлений в свете рецензируемой книги.

С монографией Хлыбовой «Калики Святой Руси: опыт имагологии» русская гуманитарная наука получила добротный материал для понимания одной из сфер русской культуры. Не сомневаемся, что книга будет востребована и историками, и фольклористами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-3-270-272

© Д. М. Буланин

ОСВОЕНИЕ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ НАСЛЕДИЯ МАКСИМА ГРЕКА: СТАРШИЕ ОПЫТЫ*

Максим Грек умер в 1555/1556 году. Почему же тогда столь важен для изучения биографии и творчества писателя исторический период, приходящийся на последнюю четверть XVI века и выбранный как объект исследова-

ния в монографии, которую мы представляем? Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, форма, в которой писания Максима Грека распространялись рукописной книжностью, отличается от обычной манеры размножать прочие душевспасительные тексты средневековым начетчиком. Те тексты обыкновенно копировались в сборники, и копировались порознь, изредка — в виде циклов. Напротив,

* Крутецкий В. Ю. Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.

Список литературы

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 1.
2. Бутков Я. П. Повести и рассказы / Подг. текста, вступ. статья и прим. Б. С. Мейлаха. М., 1967.
3. Грачева А. М. Теория русского лада Алексея Ремизова. Генезис. Практика. Рефлексы. СПб., 2023.
4. Ремизов А. М. Дневник мыслей 1943–1957 гг. СПб., 2013. Т. 1. Май 1943 — январь 1946 / Отв. ред. А. М. Грачева.
5. Ремизов А. М. Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов, Тургенев. Достоевский. Париж, 1954.
6. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру.
7. Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак.
8. Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2017. Т. 13. Россия в письменах.
9. Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная.
10. Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publ. d'Н. Sinany-Mac Leod // Revue des études slaves. 1981. Т. 53. Fasc. 2.

References

1. Annenkov Ju. Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii: V 2 t. L., 1991. T. 1.
2. Butkov Ia. P. Povesti i rasskazy / Podg. teksta, vstup. stat'ia i prim. B. S. Meilakha. M., 1967.
3. Gracheva A. M. Teoriia russkogo lada Alekseia Remizova. Genezis. Praktika. Refleksy. SPb., 2023.
4. Lettres d'Aleksej Remizov à Vladimir Butčik / Publ. d'Н. Sinany-Mac Leod // Revue des études slaves. 1981. Т. 53. Fasc. 2.
5. Remizov A. M. Dnevnik myslei 1943–1957 gg. SPb., 2013. Т. 1. Mai 1943 — ianvar' 1946 / Отв. ред. А. М. Грачева.
6. Remizov A. M. Ogon' veshchei: Sny i predson'e. Gogol'. Pushkin. Lermontov, Turgenev. Dostoevskii. Parizh, 1954.
7. Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2002. Т. 7. Akhru.
8. Remizov A. M. Sobr. soch. M., 2003. Т. 10. Peterburgskii buerak.
9. Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2017. Т. 13. Rossiia v pis'menakh.
10. Remizov A. M. Sobr. soch. SPb., 2018. Т. 14. Zvezda nadzvezdnaia.

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3679-4634

tgivanova@inbox.ru

КНИГА О КАЛИКАХ ПЕРЕХОЖИХ

A BOOK ABOUT THE PILGRIMS

[Рец. на:] Хлыбова Т. В. Калики Святой Руси: опыт имагологии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 491 с. (сер. «Humanitas»).

[Review:] Khlybova T. V. Kaliki Sviatoi Rusi: opyt imagologii. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2023. 491 s. (ser. «Humanitas»).